

ДЖОРДЖ ГРАЙДЕР,
ЛИДА СИМС

БОЕВАЯ РЫБКА

Воспоминания американского
подводника

Джордж Грайдер

**Боевая рыбка. Воспоминания
американского подводника**

«Центрполиграф»

Грайдер Д.

Боевая рыбка. Воспоминания американского подводника /
Д. Грайдер — «Центрполиграф»,

Воспоминания боевого командира, офицера-подводника Джорджа Грайдера, записанные журналистом Лидлом Симсом, – уникальное свидетельство участника Второй мировой войны. Ярко и образно описаны подготовка моряков, совершенствование ими навыков морской службы, боевые патрулирования и торпедные атаки. Грайдер был очевидцем нападения японцев на Перл-Харбор, поэтому его рассказ особенно ценен. В книге передана напряженная атмосфера постоянного риска нахождения на большой глубине в замкнутом пространстве американской подводной лодки.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джордж Грайдер, Лидл Симс

Боевая рыбка. Воспоминания американского подводника

Посвящается Энн и Гэйлу

Глава 1 «ТИХАЯ» СЛУЖБА

По мере того как один за другим проходили дни 1941 года, всем нам становилось ясно, что приближается война. И осознание этого факта занимало умы даже тех из нас, кто отвергал такую возможность. Я думаю, что это как со смертью: все мы знаем, что когда-то умрем, но до тех пор, пока этот момент не наступит для нас, мы ее не приемлем.

Мы с группой сослуживцев играли в бридж в моем доме в Сан-Диего поздним вечером 6 декабря. Кто-то спросил меня, когда, по моему мнению, мы вступим в войну. «Завтра», – сказал я в шутку, мой партнер открыл карты без козырей, и вопрос был забыт.

На следующий день мы с Энн и нашим маленьким сыном Билли наслаждались спокойствием воскресного дня, когда к нам в дом ворвался сосед и сообщил нам, что бомбили Пёрл-Харбор. Прошла не одна неделя, прежде чем я отделался от ощущения, что в какой-то степени ответствен за свое легкомысленное предсказание.

А в тот день я тут же сел в машину, сказал жене и ребенку нежное «прощайте» и поехал в дивизион, к которому был приписан и в составе которого были четыре старые субмарины. Это были устаревшие подлодки, постройки после Первой мировой войны, но в тот памятный день никто из нас не сомневался, что мы на них незамедлительно вступим в бой.

Еще одно событие того памятного дня – это такой же, как я, морской офицер соседней подлодки. Когда я прибыл, он стоял на палубе, вернее, свешивался через бортик. Накануне он хорошо провел время на вечеринке и теперь чувствовал себя так скверно, как никто другой, кого я встречал в подобном состоянии. Второстепенные эпизоды, подобные этому, часто врезаются в память в минуты сильного волнения, но была другая причина, по которой я запомнил все так хорошо. Почти четыре года спустя, в день победы над Японией, я увидел того же самого офицера, к тому времени уже командира субмарины, свесившегося через ее бортик в Пёрл-Харборе и опять чувствовавшего себя хуже некуда. Это было выражением прекрасного, несколько драматичного постоянства, с которым я встречался на протяжении войны.

В подводники с самого начала, так же как и в военно-морские силы, я попал случайно. Поступил в морскую академию, потому что там учился мой брат, а он отправился туда вслед за Чарли Бруксом, нашим другом еще по Мемфису, а Чарли сделал свой выбор, потому что видел фильм об Аннаполисе. Сыновьям убитых в Первую мировую войну офицеров ежегодно предоставлялась на эти должности определенная квота, которая никогда не заполнялась. Поэтому в то время, когда наши друзья умасливали и обхаживали политиков в надежде получить назначение, Джон и я просто воспользовались именем нашего отца Гэвока Грайдера и получили необходимые документы. В первый раз я провалился на экзаменах, но на следующий год пошел в подготовительную школу в Аннаполисе, проучился там несколько месяцев, снова сдавал экзамен и, выдержав его, в 1932 году поступил в академию, сразу же после того, как ее окончил мой брат.

Сначала я хотел быть летчиком, как мой отец. Так сильно этого хотел, что брал частные уроки летного дела, когда во время каникул в академии бывал дома в Мемфисе. Я все еще

люблю возвращаться к вырезке из старой газетной статьи, в которой Уильям Фолкнер, который был другом моего отца, написал об учившемся летать сыне Гэвока Грайдера. Позднее, когда поступил на флот и служил на линкоре «Миссисипи» отряда военных кораблей США, я часто совершал тренировочные вылеты на старых гидропланах, которые были у нас на борту, и тратил свою небольшую зарплату на полеты частным образом.

Потом притягательность полетов исчезла, и я понял, что мое будущее не связано с авиацией. В последний раз самостоятельно я летал до того, как началась война, в один из дней 1938 года в Пёрл-Харборе, незадолго до того, как Энн приехала на наше второе бракосочетание.

Мы поженились тайно, как только я закончил учебу, в нарушение всех правил, а теперь, когда я отслужил положенные два года, мы собирались повторить церемонию как положено. Я потерял свои летные права и прошел через все бюрократические утряски и проволочки для получения дубликата. Получив его, пошел и взял напрокат на полчаса небольшой биплан, чтобы отметить прибытие моей жены. Едва я стартовал, как мой только что полученный дубликат прав вылетел из кармана, закружился в воздухе и приземлился внизу, в самой гуще громадного поля сахарного тростника. Вот тогда-то я и сказал себе: «С полетами покончено».

Я отслужил положенное время на «Миссисипи» и был переведен на эсминец «Рейдберн». Мы отлаживали на подлодках новое оборудование, с помощью которого ВМФ надеялся однажды запеленговать находящиеся в подводном положении лодки, определив расстояние до них при помощи отраженных сигналов – первый на военном флоте эксперимент с гидролокатором. Работа была увлекательной, но более того завораживала меня жизнь подводников. Я выходил в море при любой возможности и вскоре решил, что эта служба по мне: маленькие суда, где царит удивительно высокий моральный настрой и боевой дух, да и платят подводникам прекрасно. Я направил соответствующее заявление и получил назначение в школу подводников, 23 мая 1939 года, в тот самый день, когда «Скволус» затонула во время испытательного погружения в море в районе Портсмута, Нью-Хэмпшир. У меня за плечами было уже шесть месяцев интенсивной подготовки в школе подводников в Нью-Лондоне, Коннектикут, и более года на субмарине «Скипджек», когда я пришел в гидролокационную школу ВМФ в Сан-Диего вести противолодочный курс для моряков с эсминцев. Тогда было вполне естественно, что, когда мы спешили на наши подлодки в день Пёрл-Харбора, мне слишком хорошо было известно, что мог сделать с ними вражеский миноносец.

Мы оставались в тот день на базе, слушая жуткие истории и слухи по радио, а на следующий день отправились на боевое патрулирование. По крайней мере, оно называлось боевым патрулированием и во многом было таковым. Причем опасность исходила не столько от противника, сколько от наших собственных нервозных действий. И если бы мы увидели чье-либо судно на плаву, будь то друг или враг, я уверен, мы бы сначала попытались его потопить, а потом уже распознать. Десять дней находились в дозоре на расстоянии от 50 до 100 миль от Сан-Диего, охраняя гавань и пытаясь поймать по радио последние новости о войне. И особенно были обескуражены сообщениями о том, что японцы потопили английские корабли «Рипалс» и «Принц Уэльский». До этого никто из нас не верил, что самолеты способны потопить такие могучие бронированные военные корабли.

Наконец мы обнаружили одно судно и попытались к нему приблизиться, но, к счастью, оно ушло от нас. Теперь я убежден, что это был американский танкер, команда которого и не подозревала, насколько близка была к гибели.

В последовавшие за тем годы войны, когда боевое патрулирование стало делом обычным и подводные лодки превратились в один из самых эффективных видов оружия в арсенале государства, я никогда не забывал кошмарную особенность того первого патрулирования. Мы, находясь вдалеке от главных событий войны, не имели представления о том, какая жизнь ждет нас впереди, не догадывались о той убийственной роли, которую сыграют наши подлодки в войне с Японией.

Но драма в Тихом океане уже разворачивалась. Во время самой атаки на Пёрл-Харбор орудийные расчеты подлодок «Тауго» и «Нарвал» разделили с миноносцем славу за уничтожение одного из атакующих японских самолетов. Несколькими часами позднее обстрел Мидуэя японскими военными кораблями прекратился из-за появления в радиусе атаки противника «АргонAUTA». И только через три дня после Пёрл-Харбора военный корабль противника недалеко от острова Уэйк был поврежден «Тритоном» в первой торпедной атаке подводной лодки Тихоокеанского флота. А «Суодфиш» потопила большое грузовое судно только через восемь дней после атаки на Пёрл-Харбор, и это первое подтвержденное потопление японского судна субмариной ВМФ США. Таким образом, прежде чем мы вернулись после задания по обороне порта Сан-Диего, наши подлодки на Тихом океане приступили к суровой миссии: торпедированию как торговых вражеских грузовых судов, так и кораблей военного флота, как только и когда только они попадутся.

По мере развертывания боевых действий результаты были все более впечатляющими. Намучившись на первых порах с несовершенными торпедами, с неподходящим оборудованием, наши подводники выработали собственные приемы нового для Америки вида боевых действий и вскоре стали управляться со своими субмаринами уверенно. Общее число потопленных вражеских грузовых судов постоянно росло в течение 1942-го и 1943 годов и достигло пика к концу 1944 года, а сократилось в последние месяцы войны из-за резко уменьшившегося числа бороздивших океан японских военных кораблей и торговых судов. Но потоплять их продолжали до самого конца. Японская подводная лодка «I-373», последняя из крупных субмарин, была потоплена лодкой «Спайкфиш» 13 августа 1945 года. А Левеллин, командир лодки «Торск», потопил два корабля береговой охраны 14 августа, всего за несколько часов до окончания войны.

Эта война дорого обошлась подводникам. Из всего личного состава подводного флота со средней численностью 14 750 офицеров и матросов погибли 374 офицера и 3131 матрос. Из строя были выведены 52 из 88 субмарин, 42 из них потоплены противником. Но нам было чем гордиться.

Между первым пуском ко дну, осуществленным лодкой «Суодфиш», и последним – лодкой «Торск», наши субмарины потопили более половины из всех японских торговых и военных кораблей, пущенных ко дну во Вторую мировую войну. Более четверти вражеских военных кораблей, потопленных силами всех флотов, действовавших на Тихом океане, стали жертвами наших торпед. В их числе линкор, 4 авианосца, 4 сопровождающих авианосец корабля, 3 тяжелых крейсера, 9 легких крейсеров, 23 подводные лодки и 44 миноносца. Кроме того, наши подводники выполняли множество особых заданий: обеспечивали боевое охранение транспортных судов, вели артиллерийский огонь по береговым позициям японцев, проводили минно-заградительные действия, спасали летчиков со сбитых самолетов.

Мы прошли большой путь, начиная от подлодок типа «L» прошлого поколения, с малочисленной горсткой экипажа американских подводников, способных лишь обороняться в бою с германскими субмаринами серии «U» Первой мировой войны. Те наши лодки были малы и неустойчивы; они имели большой крен в бурном море; могли вести патрулирование в среднем только в течение восьми дней. В них был тяжелый воздух, а температура не превышала температуры воды за бортом, влага, постоянно конденсировавшаяся на внутренних стенках лодки, превращалась в водяные капли, которые дождем поливали экипаж.

Быстроходные субмарины – те, которые носят названия рыб, – дворцы по сравнению с первыми моделями. На них была система кондиционирования воздуха, кинопроекторы, холодильники для мороженого, полный домашний комфорт в пределах занимаемого нами помещения. Мы могли находиться в море в течение двух с половиной месяцев, проходить тысячи миль без дозаправки. Четыре дизельные силовые установки обеспечивали достаточную мощ-

ность для надводного хода и для подзарядки аккумуляторных батарей, обеспечивавших подводный ход.

Эффективность нашего оружия была не единственным фактором, о котором мы не имели представления, когда курсировали в море у Сан-Диего в последние дни 1941 года. Нам еще предстояло узнать о том, что характер службы подводника предполагает товарищеские отношения, несравнимые с теми, которые существовали в других подразделениях флота, и фактически забытые в условиях современной войны. В определенном смысле мы обрели некий ореол таинственности, привлекательность и свободу действий, какую имели авиаторы в Первую мировую войну. Наша команда была настолько мала, что все на борту субмарины знали друг друга поименно, настолько мала, как служба, которая доставляет на тот свет. Совместные увольнения на берег и тесная дружба сплотили нас. Мы были специалистами, занятыми в высшей степени секретной работой, фактически беспрецедентной в истории нашего флота. И при этой нашей взаимной зависимости мы были независимы до невероятной степени.

Дни славы одиночек давно ушли с большинства театров военных действий. Все теперь решают действия групп и массовые операции. Одиночки, даже если это отдельные подразделения, все реже появляются в поле зрения. Мы же, выходя на патрулирование, были представлены сами себе. Не было никого вне нашего подразделения, кто отдавал бы приказы о том, как идти на сближение, как атаковать, как действовать дальше. Мы оставались с врагом один на один. Случалось, мы выходили группами, но в большинстве случаев действовали самостоятельно. Нам определяли район патрулирования и давали общие инструкции о том, что предпринимать в той или иной ситуации или чего ожидать, и в рамках этих распоряжений мы действовали в широком широтном диапазоне. Мы были корсарами в мире, почти забывшем это слово. При всей жестокости войны это был щекочущий нервы уникальный опыт.

В наших маленьких экипажах все 80 или 90 человек на борту волей-неволей зависели друг от друга, и матрос самой низшей статьи должен был столь же умело выполнять свои обязанности, как и капитан. В любом роде войск безопасность каждого воина зависит от действий его товарища по оружию, но на подводной лодке эта зависимость чрезвычайно тесная. При неукоснительном соблюдении старшинства по званию там обходятся без лишней формальности, и каждый ощущает свою принадлежность к одной команде. В наших отношениях полностью отсутствовали какая-либо зависть друг к другу, обиды матросов на офицеров или враждебность офицеров к матросам. Когда я служил на «Поллак», обладавший художественными способностями радист рисовал дружеские шаржи на офицеров в корабельной газете. На «Уаху» именно обычный матрос обеспечивал Машу Мортону проход в гавань Вевак.

Я помню ночь, когда стоял на мостике «Флэшер», рассекавшей гладь спокойного, залитого лунным светом моря, в компании с вахтенным всматриваясь в горизонт в поисках противника, когда мне вдруг пришла в голову почти мистическая убежденность в том, что каждый человек внизу – мой брат. Вспомнились слова Генри V из хроники У. Шекспира: «Ибо тот, кто сегодня проливает вместе со мной свою кровь, будет моим братом». Это чувство, я думаю, разделял тогда каждый из нас. До сих пор, когда я вижу человека с отличительными значками подводника, я останавливаю его, чтобы пожать руку.

Не знаю, кто придумал нам прозвище «тихая служба», но при всем своем соответствии оно неизбежно вводит в заблуждение. Операции подводных лодок были скрыты покровом секретности, за некоторыми исключениями, сделанными из моральных соображений, такими, как всеобщее одобрение действий Маша Мортонна, когда мы вернулись после патрулирования, в ходе которого «Уаху» провела свою знаменитую рекогносцировку гавани Вевак. А прозвище «тихая служба» несло в себе некоторую таинственность и некое очарование для широкой публики, которая фактически ничего не знала о подлодках. При этом оно способствовало созданию представления о подводниках как о суровых, молчаливых людях иной, чем прочие, породы, и это, конечно, было ошибкой.

Для меня служба подводника не была зловещей ни в каком смысле. Да, пришлось пережить ужасные моменты, пройти через ад, но все-таки создаваемый вышеупомянутым определением имидж вводит в заблуждение. Подводники молчаливы больше в силу необходимости, чем по своей природе. Но в каждый отдельный момент обстановка на борту субмарины столь же похожа на фарс, как и на трагедию. У подводников прекрасно развито чувство юмора – без этого им не обойтись. Я вообще считаю, что слишком мало сказано о чувстве юмора американцев, проявившемся во время войны. Это было своего рода нашим секретным оружием. Я помню, как читал перехваченное донесение японской патрульной субмарины в районе Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 года. Ее офицеры решили, что попали в окружение вражеских подлодок. Они ударились о дно где-то в районе Гавайских островов, и у лодки стал такой ужасный угол крена на одну сторону, что ее галюны переклестнули через край и нечистоты залили каюты. В донесении говорилось, что японские моряки провозгласили славу императору, прежде чем предстанут, по их выражению, пред ликом смерти. Они были убеждены в том, что вот-вот будут уничтожены. На самом же деле на обозримом расстоянии не было никакого врага, когда они представляли пред ликом смерти, поэтому они благополучно вернулись в свою империю.

Американский экипаж, попадая в критическую ситуацию и находясь по колено в дерьме, уж точно не славил Франклина Делано Рузвельта и не думал о лике смерти. Подводники шутили на этот счет, как это делал капитан Уорс Скэнлэнд, когда точно такой же случай произошел на борту «Хокбилл» в 1944 году.

Когда Булл Райт после своей первой успешной атаки в качестве командира «Стерджен» отправил свое известное донесение: «Стерджен» уже больше не девственница» – это был не просто каламбур. Когда Ред Коул, страдавший от недостатка туалетной бумаги на борту «Скипджек», направил возмущенное послание по радиотелеграфу, обрисовывая процесс возникновения чрезвычайной ситуации и детально передавая область применения необходимого материала, это было чем-то большим, нежели просто веселое отстукивание слов по красной ленте. Такие случаи свидетельствовали о здоровом психическом состоянии, характерном для всех наших вооруженных сил, но особенно широко присущем подводникам.

Суровые военные истины не тот заряд энергии, который поддерживает моряков в их деле. Они не снимают напряжение; они его нагнетают. По мере того как ситуация ухудшается, замечаешь, что вся команда лодки до предела напряжена. И вдруг случится что-либо действительно смешное, и лица людей светлеют. Так произошло на «Поллак» однажды ночью, когда вахтенный нечаянно прищемил зад нашему капитану. Об этом инциденте будет упомянуто ниже.

А на «Уаху» зубной протез немолодого уже добровольца-подводника по имени Уэч помог справиться с особенно тяжелой ситуацией. Мой самый близкий друг среди офицеров этой первоклассной подлодки вспомнил о нем более чем десять лет спустя, когда мы предавались воспоминаниям. Уэч был по меркам подводников стариком, ему было около сорока, и он впервые участвовал в патрулировании. «Уаху» удачно завершила операцию в районе острова Хонсю, и лодка на большой глубине бесшумно удалялась от берега. Все знали, что японские подводные охотники рыскали неподалеку. Роджер в носовом торпедном отсеке разговаривал с Уэчем, когда с самолета была сброшена глубинная бомба одной из новейших моделей. Уэч тогда в первый раз познакомился с глубинной бомбой вообще, не говоря уже об этой новинке. Он опешил, прервав на полуслове речь и застыв с открытым ртом и выпученными глазами. Его верхний зубной протез соскочил и опустился на нижний. Роджер рассказывал, что вид этого ошеломленного подводника был настолько умиротелен, что смотреть на него без смеха было невозможно. Не обращая внимания на разрывы глубинных бомб, все находившиеся в этом помещении подводники сложились пополам, покатываясь со смеху.

Я не знаю такого человека среди подводников, у которого за время войны не обострилось бы чувство юмора. Нам оно было необходимо для выживания. Во время второго патрулирова-

ния на «Уаху» мы на протяжении нескольких недель шли с торпедой, застрявшей в торпедном аппарате, и постепенно ожидали, что она в любой момент взорвется и разнесет нас на куски. Ставший привычным ритуал, состоявший в том, чтобы каждую ночь спускаться к торпедному аппарату, прикладывать к нему ухо и склоняться в молитвенном поклоне, был, конечно, глупым и все же делал ситуацию сносной.

Более того, я верю, что именно юмор помогал нам поддерживать дисциплину, не формальную, а истинную. Ведь цель дисциплины в том, чтобы добиться организованности, чтобы подразделение действовало эффективно, как единое целое; тут нет другой обоснованной цели. А дисциплина, не разбавленная юмором, создает ужасное напряжение в команде, которое сводит на нет преследуемую ею цель. Вахтенный, нечаянно прищемивший офицера и получивший в ответ язвительное замечание вместо строгого выговора, будет особенно старательно отдавать честь капитану и, что более существенно, станет выполнять его приказы с большим рвением в критической ситуации.

Отчасти причина необыкновенно высокого морального духа в нашем коллективе, как я уже отмечал, заключалась в его малочисленности. Когда «Стингрэй» совершила один из самых выдающихся подвигов по спасению во время войны, вытащив американского летчика из-под обстрела вражеских пушек, когда тот ухватился за перископ уходившей под воду субмарины, для меня это означало нечто большее, потому что командиром «Стингрэй» был мой старый друг Сэм Лумис. О фантастических подвигах Дика О'Кейна на «Тэнг» с восхищением говорил каждый, кто служил с ним на «Уаху». Когда я стал командиром «Флэшер», субмарины, которой выпадет слава потопить больше вражеских грузовых судов, чем кому-либо еще во время войны, я уже знал о выдающемся рекорде, поставленном лодкой под командованием моего хорошего друга Рубина Уитикера, и слышал историю о разговоре Рубина с Буллом Райтом в ночь, когда был атакован Пёрл-Харбор. Рубин служил тогда старшим помощником на «Стерджен», и, когда будоражащее донесение поступило на находившуюся на Филиппинах «Стерджен», он ворвался с ним в каюту Булла. Но капитан после затянувшейся допоздна вечеринки был в некотором роде «вне игры». Все, что смог сделать Рубин, так это растряссти его до полусонного состояния. Булл выслушал донесение.

– Ладно, Рубин, – сказал он, – возьми это на себя. – Затем он что-то сонливо пробормотал и повернулся на другой бок, удовлетворенный, по крайней мере, на данный момент тем, что его старпом сможет уладить такую мелочь, как война.

В дозоре мы читали доклады с других подлодок, а на берегу говорили об этом. Говард Гилмор, который отдал жизнь за «Гроулер», приказав ей идти на погружение, в то время как сам он, тяжело раненный, висел на капитанском мостике; Честер Смит с «Суодфиш», сопроводившей корабль «Президент Кесон» у берегов Филиппин, Джо Инрайт с «Арчерфиш», потопившей крупнейший из когда-либо потопленных субмариной военный корабль; Джин Флаки, который использовал свою «Барб» для артобстрела вражеского побережья, так же как и для потопления вражеских кораблей, – мы знали их всех или же знали кого-то, кто их знал.

Мой собственный опыт военного времени приобретен в несении дозорной службы на «Уаху», «Поллак», «Хокбилл» и «Флэшер». У каждой лодки своя отличительная особенность и своя незабываемая команда, и никогда ни одно из девяти патрулирований, совершенных мной на этих четырех подлодках, не завершалось безрезультатно. Мне очень повезло, что на пике своей карьеры я познакомился с великолепным Дадли Муртоном, что на моих глазах Дик О'Кейн повысил боеспособность своей команды, за что был удостоен медали «За боевые заслуги», и плечом к плечу сражался со многими другими, столь же доблестными людьми. Становление некоторых из них произошло в мирный период до нападения военного флота Японии на США.

Как только мы заходили на большую военно-морскую базу, такую, как Пёрл-Харбор, слышали от представителей других родов войск разговоры о «вундеркиндах за 90 дней» и «маль-

чиках из училищ», в которых явственно слышались зависть и враждебность, иногда возникавшие между резервистами и кадровыми военными. Таких отношений никогда не было на подлодках, на которых я служил. Я теперь едва ли смогу вспомнить, кто из моих бывших товарищей по оружию был и кто не был выпускником военной академии. Я думаю, что на «Флэшер» из девяти офицеров помимо меня были два выпускника школы в Аннаполисе. Конечно, в качестве инструмента проверки способностей офицера уровень академии не был решающим фактором. Конечно, кадровые офицеры лучше знали служебные обязанности, но резервисты были более инициативны и способны воспринимать неортодоксальные идеи. И в самом деле многие нововведения, появлявшиеся в ходе боевых действий, зарождались у людей, воображение которых не было ограничено рамками традиционных концепций морского боя, преподаваемых в военно-морских высших учебных заведениях.

Был еще и некий моральный аспект, касающийся нашей подводной службы. Мы участвовали в такого рода войне, к которой наши собственные семьи еще с Первой мировой питали отвращение. Ведение подлодками войны без ограничений было синонимом бесчестия в дни самого пика развития германского подводного флота, и даже при том, что тотальная война охватывала нас со всех сторон в дни после Пёрл-Харбора, время от времени кто-нибудь ставил вопрос о совести.

Поскольку делалось различие между злом, которое несет война, ведущаяся подлодками, и другими формами вооруженного конфликта, никто из нас не тревожился по поводу отведенной нам роли, хотя, может быть, был недоволен мнением друзей по этому поводу. Коль скоро вы начали политику тотальной войны, тот, кто открывает огонь по безоружному торговому судну из подводного положения, конечно же заслуживает не большего порицания, чем тот, кто сбрасывает на него бомбы сверху. И мы не играли роль монстров, безнаказанно наносящих удары по врагу; обычно всегда были корабли сопровождения, следовавшие сзади или бросавшиеся в гущу боя. Человеческие потери оказались достаточно велики для того, чтобы установить тот факт, что субмарины подвергались опасности большей, а не меньшей среднего уровня.

Во время самой войны совесть меня не беспокоила. Мы знали, что на борту всех торпедируемых нами кораблей находятся люди, но в силу некой метаморфозы, которая происходит во время боя, думали о них не как об отдельных личностях – думать так было бы просто невыносимо, – но как о «противнике». Неясная, неопределенная эмоциональная установка, которая не сводится к глядящей на вас паре глаз.

Для меня и, как я думаю, для любого проще руководствоваться разумом, чем эмоциями. Мне приходилось временами испытывать приступ боли, скорее сожаление, чем угрызение совести, за таких же моряков, которых потопили. Однажды ночью, когда мы подкрадывались к одиночному поврежденному грузовому судну после того, как на глазах его экипажа все остальные суда конвоя один за другим были пущены ко дну, я испытал нечто вроде жалости к капитану этого оставшегося корабля, человеку, который собрал все свое мужество и отвагу в тщетной попытке спастись от нас бегством, но мое чувство не было достаточно глубоким. Ведь если бы оно было таковым, я, безусловно, закончил бы войну в госпитале, обратившись за помощью к психиатру.

Но был один случай во время шестого выхода «Флэшер» на патрулирование, который я никогда не забуду. Мы заметили довольно большой сампан, открыли по нему артиллерийский огонь и подошли в пределах видимости суши и, после того как, по-видимому, весь экипаж покинул судно, пошли к его борту, чтобы завершить дело, бросив ручную гранату. Том Маккэнтс поднялся на нос «Флэшер» с гранатой. Том бросил ее с таким расчетом, чтобы она попала в трюм и пробила днище.

Когда раздался взрыв, из-за кормы выпрыгнул человек. Он прятался за планширами. Окровавленный, в лохмотьях, прежде чем покинуть сампан, он посмотрел на меня, стоящего на мостике. Он посмотрел мне прямо в глаза, и его пронзающий взгляд был полон укора. В

тот миг война вдруг стала невыносимо личным делом. Я отмахнулся от этого ощущения, но оно запало в глубину моего сознания, и, хотя, чтобы пустить корни, ему потребовалось всего мгновение, оно стало разрастаться вовсю. Не одну ночь я думал об этом бедном человеке, который, вероятно, даже не был японцем и, пожалуй, вовсе не участвовал в войне, зато сампан, несомненно, был средством существования этого человека и его товарищей, которого мы их лишили. Обо всем этом сказал мне его сверкнувший взгляд и оставил в моей душе глубочайший след в память об этой войне.

Но, несмотря на это, я не чувствую своей вины, и, думаю, было бы ошибкой испытывать это чувство. Несомненно, случись все это снова, я поступил бы так же.

Когда дело касается войны, мы все грешны, и тот, кто стреляет, не более тех, кто платит налоги, или покупает облигации военных займов, или жертвует слоеный пирог для Объединенной службы организации досуга войск. Но все равно мне жаль, что пришлось стать машиной этого ужасного разрушения. Подобно многим другим ветеранам, глубокой ночью лежа в постели без сна, иногда думаю обо всех умерших, о своей роли в этом, и мне очень хочется, чтобы ничего такого не было.

Но даже на подводных лодках большую часть времени экипаж проводил не в боевых действиях. Случалось, мы сутками и более находились на военно-морской базе, прежде чем уйти в боевой поход, который мог длиться днями или неделями. Но эти периоды были несоизмеримо короче проведенных в несении дозорной службы. Благодаря этому мы, наверное, сумели остаться людьми. Со временем я полюбил те стороны жизни на подлодке, которые ничего общего не имели с потоплением кораблей.

Из всех моих обязанностей в военное время наиболее приятными и интересными были обязанности штурмана. Я любил управлять подлодкой. Было что-то почти сладостно приятное в том, с какой точностью и безошибочностью вы определяете свое местоположение в этих бескрайних просторах океана, определяя высоту звезд, используя красивый хронометр, чтобы получить точное местоположение корабля. Это так захватывающе – подняться на поверхность в дневное время, вычислить положение Венеры, посмотреть в том направлении на небо и увидеть тусклую маленькую светящуюся точку, по которой вы можете зафиксировать свое местоположение. После многих дней пути в открытом море опытный штурман может сказать: «Сегодня в шесть часов мы увидим такой-то и такой-то остров», и, мой бог, когда это время наступает – вот он тут как тут. Не часто встречаются ситуации, когда затраченные усилия приносят в награду такой конкретный результат.

И было странное спокойствие, основанное, как ни парадоксально, на ощущении того, что задание по патрулированию выполнено, и выпадало это на дни, когда мы возвращались в порт. Обычно мы шли на базу с убеждением, что хотя и могли бы действовать лучше, но все же не потерпели неудачу и потрудились не напрасно. И по этой причине мы могли стоять на мостике, на какое-то время забыв о войне. Если мы на пару дней уходили из акватории противника, то оказывались в относительной безопасности; всегда существовала вероятность того, что нас прикончит вражеская подлодка, но она была далеко, а пока мы были настороже, опасность стать жертвой самолетов была ничтожна.

Если вы когда-нибудь наблюдали, когда подводная лодка появляется на поверхности и вода переливается через ее рубку, пока она становится на ровный киль, вас, может быть, посетило странное ощущение единения между подводником и водой, которая вокруг него. Подводная лодка очень близка к океану. Она скользит по нему спокойно и мощно и в большей степени сливается с водой, чем любой другой известный мне корабль. Когда стоишь на ее мостике в закатный час, смотришь, как солнце отступает за горизонт, и предвкушаешь маленькие удовольствия комфорта, безопасности, испытываешь удовлетворение от проделанной работы. Все это согревает душу и незаметно приводит в возбуждение.

Все это еще было у нас впереди, когда мы были приведены в замешательство в дни и ночи, проведенные нашей дивизией подводных лодок у берегов Сан-Диего. Мы даже еще по-настоящему не стали частью драмы, уже развернувшейся на Тихом океане. Но наше приключение служило определенной цели. Оно занимало нас, но не наносило вреда, и, возвратившись в порт, мы были готовы успокоиться.

Энн все еще оставалась в Сан-Диего, что было как бальзам на душу многим офицерам дивизии. Жены всех других подводников упаковали вещи и уехали, пока мы были на патрулировании. Я полагаю, что уехать им посоветовали мужья, и в Коронадо, расположенном от Сан-Диего с противоположной стороны залива, практически все дома были выставлены на продажу. На меня мои товарищи смотрели как на отвратительное доказательство того, что недалёковидность иногда вознаграждается.

Мы возобновили нашу учебную программу, проходили месяцы, жены стали потихоньку возвращаться, и цены на недвижимость в Коронадо подскочили. И наконец, в марте 1942 года я был откомандирован на подводную лодку «Уаху», строившуюся тогда на верфи на Мэри-Айленд в Калифорнии. Энн на этот раз поехала домой – ее мать была в критическом состоянии, и я сказал дивизии подводных лодок «прощай» и убыл на «Уаху».

Глава 2

ПОДГОТОВКА

Единственным офицером, прибывшим раньше меня, был Роджер Пейн, тремя годами раньше выпущенный из Военно-морской академии. Это был спокойный темноволосый дружелюбный человек, которому предстояло стать артиллеристом и торпедистом. Мы оба перешли на «Уэйл», подлодку, прибывшую в соответствии с графиком раньше, чем наша, и познакомились с ее экипажем. Некоторые из его членов отсутствовали: они вышли в боевом патрулировании и только после этого вернулись на «Уэйл», и в последующие дни мы при каждой возможности старались послушать, что они рассказывали. Это были боги бригады подводных лодок на Мэри-Айленд – они встречались с противником.

Командовал лодкой капитан-лейтенант Марвин Кеннеди, высокий, худощавый человек с рыжими волосами, румяным лицом и с прекрасной репутацией способного руководителя, командовавшего хорошо отлаженным кораблем. Старшим помощником капитана был молодой человек, произведший на меня впечатление человека чрезмерно болтливом и неуравновешенного. Его звали Дик О'Кейн. Прежде он служил четвертым или пятым помощником на «Аргонавте», самой большой из когда-либо построенных довоенных подводных лодок. Дик был приятным в общении и трудолюбивым офицером, внимательным к мелочам, но не от мира сего. И все же мы с удовольствием слушали его рассказы об «Аргонавте». Это был минный заградитель, если он и не потопил никаких вражеских судов, то он их встречал, а для нас это кое-что значило. Дик сказал, что он предлагал командиру «Аргонавта» запросить добро на то, чтобы отправиться к берегам Японии для постановки мин у ее побережья, и тут же нетерпеливо добавил, что его советы были проигнорированы. Этот рассказ лишь укрепил наши сомнения относительно нового старпома. Теперь я думаю, что его предложение о постановке мин было дельным, но в то время для всех нас оно казалось явным признаком безрассудства. Сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поверил бы тогда, что Дик в этой войне удостоится медали «За боевые заслуги» – рекорда почти недостижимого в военное время на службе в подводном флоте.

Я был третьим после О'Кейна помощником командира «Уаху». Роджер Пейн – четвертым, а вирджинец Хэнк Хендерсон – следующим по очереди. Позднее к нам пришел Джек Григгс, ставший моим помощником, а самым младшим из прибывших офицеров был Джордж Миш.

Наша обязанность, до того как «Уаху» была спущена на воду, состояла в том, чтобы наблюдать за ходом ее строительства. Процесс строительства лодки сильно отличается от сборки автомобиля. Хотя чертежи составлены безупречно, каждая подлодка все равно имеет индивидуальность. Изменения на основании приобретенного в бою опыта вносятся постоянно. Кораблестроительный завод на Мэри-Айленд конечно же сооружение военно-морского флота, и лодка строилась ВМФ. Строители осознавали ответственность за лодку, но они не собирались на ней воевать. Воевать предстояло нам, и мы хотели убедиться в том, что субмарина построена так, как следует. Более того, нам хотелось знать, как она была построена, вплоть до последнего винтика, с тем чтобы в случае неполадок знать, что вышло из строя и в каком месте.

Моряк-подводник, будь то матрос или сам командир, знает свою лодку так же хорошо, как пехотинец свою винтовку. Подводники-добровольцы, каждый матрос и офицер, прежде чем они будут приняты на службу, проходили исключительно жесткое тестирование. Кандидата, например, спрашивали, как перекачать горючее из носовой дифференциальной цистерны в уравнительную цистерну, как продуть воду из труб носовых торпедных аппаратов, и даже о том, как промыть галльон дифференциальным насосом. И если вы думаете, что такую пустячную вещь,

как промывание галюна, сделать ничего не стоит, позвольте мне процитировать инструкцию по его промыванию на подводной лодке «Уаху».

«Прежде чем пользоваться, убедитесь, что откидной клапан «А» закрыт, задвижка клапана «С» в отводной трубе по линии подачи открыта, клапан «D» по линии подачи воды открыт. Затем откройте следующий за бачком клапан «Е», чтобы пустить необходимое количество воды. Закройте клапаны «D» и «Е». После использования потяните за рычаг «А», отпустите рычаг «А». Откройте клапан «С» по линии подачи воздуха. Подайте задвижку воздушного клапана «F» к борту, чтобы загрузить мерительный сосуд до десяти фунтов выше давления на уровне моря. Откройте клапан «В» и подайте задвижку воздушного клапана от борта, чтобы выдуть все за борт. Закройте клапаны «В», «С» и «G».

Все эти подробности были важны. Придет время, в период моей службы на другой подводной лодке, когда трудности с клапаном в носовом торпедном отсеке станут причиной одного из самых потрясающих случаев проявления мужества. О лейтенанте Рексе Мерфи будет подробно рассказано ниже.

Никогда еще в своей жизни я столько не работал, как во время строительства, ввода в строй и испытаний «Уаху». Мы проживали на втором этаже небольшого деревянного административного корпуса на кораблестроительном заводе ВМФ. Это строение постройки времен Первой мировой войны. В этом пропахшем дизельным горючим, маслом и потом усталых моряков помещении с несколькими столами, пишущей машинкой и телефоном размещался мозговой центр экипажа подводной лодки, откуда осуществлялся контроль за ее строительством.

По мере того как на борт прибывал экипаж, по несколько человек одновременно, к нашей работе добавилась обязанность его подготовки. Помимо этого, конечно, нам приходилось приводить в порядок бумаги, коды и карты и проверять каждую деталь машинного оборудования. В этот период верная служба помощника корабельного врача по имени Линде оказалась как нельзя кстати. Официальное одобрение принесло ему одно из достоинств, которое на самом деле могло бы привести его на скамью подсудимых военного трибунала, если бы оказалось в фокусе внимания компетентных людей.

Линде, необыкновенно изобретательный человек, стал нашим неофициальным поставщиком дефицитных вещей. Если нам было что-нибудь нужно и мы не могли получить это по военно-морским каналам, все, что нам оставалось, – лишь предоставить Линде свободу действий и не задавать вопросов, когда он вернется. В данном конкретном случае позарез нужна была деталь для нашего радара. Теперь трудно представить, насколько сверхсекретной была такого рода деталь в том 1942 году, а потому страшно долго длилась процедура ее получения по официальным каналам. Одна из трубок, диаметром в половину футбольного мяча, разорвалась, и нужно было ее спешно заменить, потому что мы были почти готовы к отплытию из Мэри-Айленд. Потребовались бы недели для того, чтобы достать новую трубку в обычном порядке, поэтому мы вызвали Линде, посвятили его в наши нужды и отпустили на весь день.

К ночи он вернулся с трубкой.

Позднее мы в общих чертах узнали, как он это сделал, хотя полагаю, что детали никогда не станут известны. Он добрался до склада военно-морского снаряжения в Оклэнде, строго охраняемого объекта, куда обычному моряку дорога была заказана, и проник на него. Он нашел нужный пакгауз и получил необходимую нам трубку. Тогда его единственной проблемой было обратиться с ней со склада.

Какому-нибудь иностранному агенту, наверное, понадобились бы месяцы, чтобы подготовить план выполнения этого опасного задания, и все равно он бы провалился. Линде просто завел дружбу с водителем грузовика, возившего безалкогольные напитки, спрятал свою драгоценную трубку среди десятков бутылок кока-колы и вывез ее через главные ворота.

Все же думаю, Линде надо было бы пойти в разведку. Не потому, что он не был отличным моряком, – он им был. Но служба медицинского работника не подходила ему по темпераменту. Из-за этого ему довелось пережить мучительные страдания в третий выход на боевом патрулировании на «Уаху». Однажды на палубе разорвался 20-миллиметровый снаряд и сильно покалечил ногу моряку. Линде позвали, чтобы произвести ампутацию стопы. Он уединился со своим пациентом, долго не выходил, потом вернулся.

– Я не могу этого сделать! – Его душили слезы. – Я не могу этого сделать!

В конце концов он, конечно, сделал операцию, используя инструмент, похожий на клещи, но наш хирург испытал большую боль, едва ли не большую, чем пациент. Линде был прекрасным бойцом, но не мог выносить вида крови.

Наконец «Уаху» была готова к выходу в море.

Каждый из нас испытывал сильное напряжение. Мы были измотаны сверхурочной работой, неделями недосыпали и постоянно жили с мыслью о том, что впереди нас ожидает великое неведомое. Пройшей ночью, до того, как покинули кораблестроительный завод ВМФ, завершив приемные испытания, мы пришвартовались к причалу в Сан-Франциско, и напряжение оказалось слишком велико для нашего рулевого.

Может быть, мне следует сказать, что процедура снятия напряжения была достойна осуждения. По мере того как приближался день нашего отбытия, моряки всю использовали редкую возможность расслабиться – сходили на берег, чтобы накачаться спиртным. В тот вечер рулевой, огромный мускулистый матрос по имени Морган, по ошибке расслаблялся в то время, когда должен был нести вахту на палубе.

Я спал сном вымотавшегося человека, когда услышал, что спустился посыльный и попытался разбудить Дика О'Кейна. Дик и я делили одну каюту, размером примерно с купе пульмановского спального вагона, в которой было три койки. Дик все не просыпался, а я не мог уснуть до тех пор, пока посыльный не уgomонится, и сел на койке и спросил его, что случилось.

– Морган на палубе, сэр, – доложил он нервно, – и он стреляет по фонарям на причале из своего «сорок пятого».

Дик продолжал храпеть.

Усталый, злой и несколько встревоженный, я вылез и поднялся на палубу. Морган и в самом деле размахивал своим кольцом, как маленький мальчик водяным пистолетом. Я попытался к нему приблизиться.

– Морган, – сказал я, – отдай мне револьвер.

Он помахал оружием в моем направлении и зверски посмотрел на меня, прямо как киношный злодей.

Я попытался обойти его сбоку, полагая, что если он и в самом деле целится в меня, то смогу столкнуть его за борт и прыгнуть вслед за ним. В Аннаполисе я был в команде пловцов и в тот момент в воде чувствовал бы себя увереннее.

Но кризис, похоже, миновал. Морган примерно через минуту отдал свой револьвер, и я велел ему идти вниз, надеясь покончить с инцидентом.

Но это не удалось. Он направился прямо в столовую команды, которая на подлодке что-то вроде клуба, где в любое время за чашкой кофе сидит компания из двух-трех моряков. Он нашел слушателей и стал разглагольствовать о том, что «Уаху» – вшивая лодка, военноморской флот – никудышный род войск, а все, кто там служит, – неудачники, и причислял к прочим себя самого. Я вернулся и велел ему уйти. Через несколько минут он вернулся, громко бранясь. Я позвал посыльного, который разбудил меня, и распорядился:

– Доставай наручники.

Мне не доводилось видеть, чтобы на подводников надевали наручники. Но до смерти надоело слышать голос Моргана. Я вывел его на палубу и приковал наручниками к радио-

мачте, которая высилась на юте, вскрыл пожарный шланг, прикрепил его к насосу и приставил посылного к шлангу.

– Если только он откроет рот, – сказал я, – направь на него шланг.

Затем я спустился вниз, намереваясь поспать часок, после чего вернуться и отправить Моргана спать.

Проснулся я в семь утра.

Соскочил с койки и бросился на палубу. Морган кулем лежал на палубе перед радиомачтой, руки его распухли и стали вдвое толще. Перед моими глазами пробежали строчки из устава военно-морских сил, особенно те, что требуют распоряжений командира и принятия различных других мер предосторожности, прежде чем надевать на кого-либо наручники. Обуреваемый ужасом, что моя карьера на флоте закончится, не успев толком начаться, я в считанные секунды освободил Моргана от наручников.

– Ну, – сказал я, пытаясь придать своему голосу властный тон, – думаю, ты получил урок, не так ли?

– Так точно, сэр! – У бедного парня было жуткое похмелье.

– Ладно, Морган, – миролюбиво произнес я. – Я ничего не скажу об этом командиру.

Я, конечно, надеялся на то, что и Морган об этом ничего не скажет, и, когда наши глаза встретились, мы нашли взаимопонимание и согласие, тем самым избежав многих неприятностей. Несколько месяцев спустя, во время нашего второго боевого патрулирования, когда он фактически спас лодку, проявив почти нечеловеческую силу, я оценил его необычайно крепкие мускулы в гораздо большей степени, чем в ту ночь на палубе.

Из Сан-Франциско «Уаху» пошла в Сан-Диего, на интенсивную боевую учебу. Мы пускали торпеды, учились приближаться к выбранным для атаки судам и в режиме, от которого бы не выдержало сердце и у Геркулеса, тренировали экипаж «Уаху». Кеннеди был взыскательным и безжалостным командиром. Он требовал, чтобы каждый на борту выкладывался полностью, и добивался этого, потому что мы понимали важность обучения. Мы уже говорили друг другу, что, когда выйдем в море, наша подводная лодка будет самой результативной в этой войне субмариной. Но это был изматывающий период для наших семей и для нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.